

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ РОССИЯ? ПОСЛЕ КАСЬЯНОВА

Тема моей реплики та же, что и предмет постоянной заботы – *постиндустриальный сектор* российской хозяйственной системы, обозначенный в списке сегодняшних тем последней строкой. Только что обнаружены леденящие кровь цифры наших духовно-интеллектуальных потерь: 200 000 единиц отборных мозгов ученых и специалистов утекли за границу за несколько последних лет. Похоже на поражение в мировой войне, где львиная доля офицерского корпуса попала в плен и перешла на сторону противника. Мы превращаемся в страну троечников, которая не только в хоккее, но и на поле делового противоборства обречена играть третьим дублирующим составом.

Непрофессионалы испытывают неловкость, присутствуя при сегодняшней перебранке экономистов. Судите сами: один говорит, что ключевой инструмент экономической политики – управление конкретными отраслями. Другой утверждает, что такой сущности, как отрасль, вовсе не существует. Часто употребляются выражения типа "во всем мире утвердилась практика...", многие фразы начинаются обязывающим оборотом "на самом деле". В стране, где написана "Философия имени", стоит быть осторожнее с наименованиями. Особенно, когда утверждаешь, будто чего-то нет. Говорил же профессор Воланд, что страна у нас странная: чего нихватишься, того нет. Он же, но при более драматических обстоятельствах, заметил, что среди множества теорий мироустройства есть и такая, согласно которой каждому воздастся по его вере.

Начну с того, чем закончил на предыдущих Гражданских дебатах, – с андроповского откровения: мы не знаем страны, в которой живем, и потому вынуждены двигаться на ощупь, эмпирическим методом проб и ошибок. В современном русском недостает слов для именованья того, что мы видим в своей стране сегодня, а пуще – что надеемся узреть завтра. Назовем это безымянное нечто словами из программки нынешних дебатов: *постиндустриальный сектор хозяйства*.

Слово "постиндустриальный" газетно ассоциируется с хай-теком. Общность между постиндустриализмом и хай-теком примерно такая же, как между любовью и презервативом: вещи связаны, но второе не натягивается на первое.

На каком языке прикажете говорить о нашем хозяйстве и о тех, кто хозяйствует? Слово "рыночный" в российском обиходе почти утратило конкретный смысл и стало синонимом слова "хороший". Поэтому "нерыночный" автоматически означает "плохой". "Экономика" подменила собой "хозяйство". "Цивилизация" самозахватом расползлась на весь объем понятия "общество".

Вот простейший вопрос из тех, что не принято задавать в приличном обществе: постиндустриальный сектор – рыночный? Если да, то "развитие постиндустриального сектора экономики" – очередная тавтология. Если же нет, тогда он плохой, и нечего с ним церемониться. Неловко напоминать специалистам, что отец концепции постиндустриального общества Даниел Белл называл его также *постэкономическим* и *пострыночным*. Есть смысл говорить не только о дорыночных, но и *послерыночных* типах хозяйствования. Им соответствуют до- и послерыночные типы конкуренции, до- и послерыночные (в частности, постиндустриальные) типы вертикальной интеграции и т.п. Поэтому вопрос о том, что хорошо и что плохо в нерыночных мирах, не так прост.

Стало привычным объявлять все западное – рыночным. "Так вот же рынок", – говорят нам и тыкают пальцем в некоторую сущность перед носом. Опасно отождествлять онтологическую сущность с понятием из собственной головы. В конце XIX в. социологи наткнулись на феномен русской крестьянской общины. О радость! Нашелся ископаемый уклад, который в Европе

повсеместно рассосался в эпоху городов-корпораций, оставив по себе лишь воспоминания. Россия – такой оазис, где эти общины еще сохранились, как кистеперый целакант у берегов Мадагаскара. Но в одной из работ уважаемого Вячеслава Леонидовича Глазычева (здесь присутствующего) на конкретном материале показано, что русская община в том виде, в каком социологи ее обнаружили, была в той же мере естественной, в коей и искусственной. Уклад, полураспавшийся к началу царствования Александра I, активно реанимировался и насаждался в ходе его реформ как подспорье для административно-командного контроля за крестьянским миром.

В мире постмодерна нас сплошь и рядом окружают естественно-искусственные уклады. "Нет административному вмешательству в рынок!" – очень интересный тезис. Пастухи и доярки, не вмешивайтесь в жизнь бедной коровы, дайте ей пастись свободно! Значительная часть так называемых рыночных укладов и секторов в современном мире созданы хозяйствующими субъектами постиндустриального или более высокого уровня. Они знали, зачем их создавали, и не наше дело им диктовать, что и до какой степени там регулировать.

Таким образом, в российском хозяйстве, как и в любом другом, есть сектора до- и послерыночные. Особенность российского хозяйства, в частности, в том, что (в сравнении с западным) и те и другие в нем представлены чрезвычайно обильно. Что же делать с людьми, которые в них живут и хозяйствуют? Первые еще не прошли рыночную школу, а вторые, видимо, уже не успеют ее пройти. Но ведь известна великая цивилизующая роль рынка, который сформировал целый мир, новый тип человека, способ хозяйствования, он исключительно важен с точки зрения производительности и эффективности производства и т.д.

Что с этим делать? Человеческий эмбрион, развиваясь, проходит фазы рыбы, земноводного и другие в утробе матери. Это означает, что рыночный способ деятельности вполне возможно осваивать еще в период обучения. И к моменту, когда выпускник появляется на свет из утробы высшей школы, он уже обязан быть готов к постиндустриальному предпринимательству.

А что делать со здоровыми лбами, которые не прошли через рынок? Известно выдающееся открытие социологов по поводу роли детских дворовых игр. Дети, играя во дворе в разновозрастных группах, проходят важнейшие этапы личностного развития, соответствующие укладам, которые в естественном виде существовали в очень древних обществах. И эти этапы формируют важные этажи полноценной личности. Что же делать обществу, в котором дворы уничтожены и дети вырастают уродами, потому что у них отсутствуют целые личностные пласты? Да ничего сверхъестественного. Все развитие общества протекает через такие компенсаторные замещения и реконструкции укладов. Почти все мы являемся в известном смысле социальными уродами. Деловые игры, имитационные модели, тренинги и другие специальные формы работы с хозяйствующими субъектами служат тому, чтобы получать навыки и компетенции, приобретаемые ранее естественным путем. И тогда мнимое отставание может обернуться действительным прорывом в будущее.

Проблема постиндустриального сектора в российском хозяйстве разрешима. Беда в том, что она не поставлена. Нынешнее правительство, у которого от рождения бельмо в полглаза, едва ли ее поставит. "Постиндустриальный сектор" проголосовал ногами против политики российских администраций, он уже наполовину уехал от нас – туда, где будущее не путают с прошлым, где правительство не опускает предпринимателей и новаторов до своего уровня понимания.

Дело гражданского общества – произвести на свет правящую элиту, которая сделает ставку на будущее. А пока...

- *Что случилось с вашим постиндустриальным сектором?*

- *Он уплыл.*